

An aerial night view of a city street, likely in New York City, showing a grid of buildings with many lit windows. A fire hydrant is visible in the lower-left foreground. The overall tone is dark with warm orange and yellow light from the city lights.

ЛЕОНИД
ЗОРИН

МАСТЕРСКАЯ ВОЛИНА

aegitas

Леонид Зорин

Мастерская Волина

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Зорин Л. Г.

Мастерская Волина / Л. Г. Зорин — «Aegitas», 2020

Зорин Леонид Генрихович родился в 1924 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы и около полусотни пьес, в том числе «Покровских ворот», а также романов «Старая рукопись», «Странник», «Злоба дня», мемуарных книг «Авансцена» и «Зеленые тетради». Леонид Зорин – кавалер Ордена «Знамени» и лауреат премии журнала «Знамя».

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

© Зорин Л. Г., 2020
© Aegitas, 2020

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Леонид Зорин

Мастерская Волина

© Зорин Г.А., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Т. Поспеловой

1

Не верилось, что я доживу до этих драматических лет, когда попросят меня поделиться воспоминаниями о Волине.

Ушел он до срока, хотя положено считать его годы вполне естественными для неизбежного расставания. Когда-то нас разделяли с ним более пятнадцати лет – теперь я гораздо старше него. Никак я к этому не привыкну – всегда ведь смотрела снизу вверх.

И грустно мне нынче, зачем скрывать? Странно устроена наша жизнь – иной раз от добрых новостей (а интерес к нему – добрая весть) печалишься более, чем от дурных. Может быть, тут виной мои годы – смещают и ракурс, и восприятие. Теперь он мне кажется молодым.

К тому же даровитые люди неведомым образом ухитряются почти до седых волос сохранять столь неуместную инфантильность. Она, кстати, выглядит так же курьезно, как затянувшаяся девственность у нашей сестры – и с целомудрием расстаться следует своевременно.

Вы просите написать о том, что мне запомнилось о Волине. Тут возникает и та опасность, что надо будет говорить о себе. Старые дамы не прочь намекнуть, что, если б не их безупречный такт, они бы доходчиво объяснили, кому в самом деле обязан читатель.

Однако меня ничуть не прельщают сомнительные лавры Авилowej, хоть ей удалось запудрить мозги даже весьма ядовитому Бунину. Он сразу признал, что мемуаристка была потаенной любовью Чехова.

Вполне возможно, что Бунин лукавил. Его очевидная неприязнь к Ольге Леонардовне Книппер могла побудить его вдруг припрятать свои беспощадные коготки и неожиданно изобразить не свойственное ему простодушие.

Я, впрочем, не хочу комментировать биографии знаменитых людей. Особая зона: я убедилась, что в ней происходит своя игра, и часто это – игра без правил.

А мне, как вы знаете, много лет, но мало сил, чтобы блуждать в лабиринтах. Я не спешу занять место в очереди. Я попросту расскажу, что я помню, и поделюсь с вами тем, что думаю. И его юность, и его молодость достались другим, я была с ним рядом уже в достаточно зрелую пору.

Навряд ли можно его назвать легким в общении человеком. Никто не мог бы его укорить в подчеркнутой замкнутости, но не спору – разговаривать его было трудно. Сам он не раз и не два замечал, что графоманы, такие, как он, в конце концов устают от слов – по этой причине приходят к сдержанности.

Он избегал «больших полотен», свой так называемый минимализм он объяснял своей плодовитостью. Однажды грустно сказал, что краткость не столько стремление к совершенству, сколько свидетельство об истощенности. «Слова иссякают вместе с возможностями», – вздохнул он в одной из наших бесед. По вредности я его обвинила в кокетстве, он сумрачно промолчал.

Чем я внушила ему доверие и почему он со мною делился так щедро своими соображениями? Не знаю. Зачем мне об этом думать? Всегда есть соблазн заговорить о некоторых своих достоинствах – вот так и соскальзываешь в муравейник, где шумно и неутомимо хлопочут иные профессиональные музы. Надеюсь – не ужоу в паноптикум.

Я ворошу свои старые записи, свои дневнички, свои заметки – как многие, я не избежала попыток хотя бы так укротить струящееся меж пальцев время. Эти конвульсии не мешали заняться общепольным трудом – зато сегодня такгодились. Память – непрочное вещество, и на нее нельзя полагаться.

Служила тогда я в бойком журнальчике, который при всей своей внешней лихости неотвратно дышал на ладан.

Обидно. Безвременная кончина этого тощего органа мысли сулила мне сложности и заботы. Мне померещилось, что повезло, что я обрела наконец свою нишу, в которой относительно сносно могу провести хоть несколько лет. Но становилось все очевидней – надежды эти безосновательны.

Мое приунывшее начальство делало судорожные попытки привлечь читательское внимание. Однажды редактор предположил, что, может статься, беседа с Волиным вызовет необходимый отклик. Не то чтобы этот угрюмый автор тревожил умы и сталкивал критиков, но репутация нелюдима, не склонного раздавать интервью, могла бы растормошить подписчиков.

– Хочу поручить это дело вам, – изрек наш стратег. – Так будет верно.

Я удивилась.

– Как вам известно, я вовсе не по этому делу. Здесь требуются особые свойства – если хотите, манок и драйв. Другими словами – все иное. От внешности до состава крови.

Редактор помедлил и усмехнулся. Этот смешок давал понять, что он все продумал и знает, что делает. Веско, неторопливо сказал:

– Конечно, я мог бы к нему заслать юную куколку с длинными ножками. Но это был бы неверный выбор. Требуется тактичная дама, перешагнувшая тридцатилетие, приятная во всех отношениях. Вас он, бесспорно, не отошлет. А вообще – не опасайтесь. Он человек цивилизованный. Да, домосед. Что тут дурного? Он не обязан любить тусовки.

Звонок мой Волина не порадовал. Он пробурчал, что сейчас перегружен, кончает работу, но, ежели мне и впрямь так важно его увидеть, встретимся на исходе месяца. На монологи он не способен, но, коли вопросы стоят того, он обещает на них ответить.

Хотя из редакторского напутствия следовало, что внешний мой вид не столь уж важен, но «вечно женственное» дало себя знать – и я полчаса перед зеркалом повертелась. Разглядывала себя придирчиво, словно готовилась к randevu. Кончилось тем, что вдруг разозлилась. Какого шута? Я в самом деле – не долгоногая вертихвостка. У каждой из нас – свое амплуа. Мое – приятная собеседница. Способная оценить внимание и вызывающая доверие.

По-своему – достойная роль.

Женская моя биография – не из успешных, тут не поспоришь. Сiju у треснувшего корытца. Спутники не были ни злодеями, ни непорядочными людьми, но их пристойные репутации вкупе с умеренными достоинствами не принесли мне особых радостей – попросту говоря, было скучно. С самой собою наедине, как выяснилось, мне интересней. Хотя несколько не обольщаюсь на собственный счет – самолюбива, обидчива, не без амбиций. Приходится за собой послеживать. Похоже – мне это удастся. Хотя бы не раздражаю ближних. Учтиво сохраняю дистанцию.

Как говорится, могло быть хуже. В конце концов, есть и свои преимущества. Я ни перед кем не отчитываюсь, избавлена от трудной обязанности терпеть присутствие человека, имеющего законное право требовать от меня внимания, заботы, служения, женской близости – в зависимости от своих пристрастий. Самостоятельность, независимость – вспомни, ведь этого ты хотела.

Приходится повторять эту мантру, чтоб столь ценное уединение не стало смахивать на одиночество. Маленькие необходимые хитрости в нашей нелегкой женской войне. Иначе трудно справляться с жизнью.

Помощь положена неумехам и людям не от мира сего. Дамы с характером обойдутся. Таким, как я, опора не требуется. Еще бы – я твердо стою на ногах. Черт бы ее подрал, эту твердость!

2

В ту пору наш Валентин Вадимович, в сущности, был еще в цвете лет. Хотя тогда он мне представлялся едва ли не пожилым человеком, все относительно, как известно. Похоже, моя картина мира была достаточно иерархична. Персонам, обладающим весом, положено быть немолодыми. Если не полными геронтами, то близкими к этому состоянию.

При встрече с Волиным я испытала даже какую-то обескураженность, ибо увидела перед собой еще не старого человека. Плотного, хорошего роста, выглядевшего отнюдь не развалиной – было ему пятьдесят с небольшим.

И он, в свою очередь, оглядел меня своими дымчатыми глазами внимательно, с неясной усмешкой. Спросил: не хочу ли я кофейку?

Я деловито произнесла:

– Спасибо. Давайте приступим к делу.

Он усмехнулся:

– Тогда изложите, что надо вам из меня извлечь?

Я сказала:

– Я представляю, как вас донимают такими беседами и что они вам осточертели. Но такова моя работа.

Волин участливо осведомился:

– Ваша работа вам не по вкусу?

Я буркнула:

– Речь не обо мне.

Волин покачал головой.

– Сурово. «Здесь спрашиваю я». Вы правы. Все верно. Прошу прощения.

Я уловила его усмешку – уж слишком почтительно и церемонно. Почувствовала себя задетой и не сумела этого скрыть. Насупилась:

– Есть еще вопросы? Дать мои явки и адреса?

Он кротко заверил:

– Вопросов не будет. Вас понял. Ограничусь ответами.

Я с независимой усмешкой пожала плечами. Что означало: готова принять капитуляцию.

Спросила:

– Вы трудитесь с удовольствием?

– Разумеется, – кивнул он со вздохом. – Иначе зачем мне эти галеры?

И доверительно пояснил:

– Прожить за столом свои лучшие годы, не испытывая при этом кайфа, может только душевнобольной.

– Классик назвал эти галеры «высокой болезнью». Ведь не случайно?

Он сказал:

– То – классик. А я – другой.

Не подступишься к этому господину! Но он, заметив, что я смутилась, смягчился:

– Хочу, чтоб вы меня поняли. Не надо рассматривать наш с вами труд, как наитие свыше, как священнодействие. Надеюсь, что я – профессионал. Как видите, вовсе не приbedняюсь. Быть профессионалом – немало. Но – не величественно. Обойдемся без причитаний и придыханий.

Я по инерции возразила:

– Сказал же Александр Сергеевич: над вымыслом слезами обольюсь.

Волин покачал головой:

– Без исполинов шагу не ступите. Сразу – то Пастернак, то Пушкин. У этих людей свои заботы, у нас – свои. Ничего похожего. Как я догадываюсь, журналистика для вас – суровая повседневность, а потаенная мечта – изящная словесность. Не так ли?

Я покраснела:

– Нет журналиста, который не мечтает о книге.

– Так я и думал, – Волин вздохнул. – Не мне вас осаживать и укорачивать, могу лишь подать дурной пример, но – вас поразили опасный вирус.

Я сухо сказала:

– Вполне сознаю. От этого нисколько не легче.

Мне было трудно сосредоточиться, точило какое-то беспокойство. С грехом пополам, сердясь на себя, я завершила свое интервью. Когда я собиралась откланяться, он неожиданно проворчал:

– Не исчезайте на веки вечные. Если возникнет у вас охота – зайдите. Буду рад вас увидеть.

Не понимая, какой должна быть моя реакция, я сказала, что занесу ему номер журнала, в котором будет помещена наша сегодняшняя беседа.

Волин сказал, что свои откровения читать ему, в общем, необязательно, а вот с моим персональным творчеством был бы и впрямь рад познакомиться. Эти слова меня удивили.

Выждав приличествующий срок, я отослала ему машинопись. Снова тревожить его визитом я не решилась – его приглашение восприняла как фигуру речи. Тем боольшим было мое удивление, когда уже несколько дней спустя я получила его письмо.

«Я, кажется, вам внятно сказал, чтоб Вы занесли свое творение, не прибегая к услугам связи. Коль скоро Вы такая поклонница эпистолярной формы общения – извольте, но имейте в виду: к длинным посланиям я не способен.

Теперь о вашем произведении. Вы наблюдательны – важное качество. Можете достаточно ясно и живо выразить то, что видите. Но, чтоб задержаться в литературе, этого мало – у вас должна быть своя персональная главная тема. Пусть даже не вполне очевидная. Попробуйте сами определить ее. Понять, что вас больше всего тревожит.

И вот еще, что следует помнить: литературная работа не безопасна. – Может стать счастьем, но, вместе с тем, может разрушить жизнь. Мне привелось увидеть немало жестоко погубленных ею людей. Необходимо обладать некоторыми исходными качествами, чтобы ступить на такую коварную и вероломную территорию. Если хотите, можем подробнее остановиться на этой теме».

3

С этого письма-приглашения все между нами и завязалось. Пошло-поехало, покатилося. А вскоре, с радостью и тревогой, я убедилась, что литераторство – не налетевшая вдруг причуда, не женская потребность эффектной принарядить, подрумянить будни – похоже, во мне неспроста поселился этот обременительный зуд.

Я обнаружила, что хочу как можно тщательней и подробней записывать разговоры с Волиным. Это желание обескуражило, но и обрадовало меня. Прежде всего, своим бескорыстием. Мне ведь и в голову не приходит когда-либо опубликовать свои записи. Я поступаю так потому, что все услышанное, увиденное, все, что я чувствую и обдумываю, незамедлительно идет в дело, должно быть сразу же зафиксировано. Иначе мне покоя не будет, все против шерсти и свет не мил. Стало быть, я не вполне случайно присохла к письменному столу. Правда, чтобы самой понять, насколько без него неоправданна, бессмысленна и пуста моя жизнь, потребовалось стать ванькой-встанькой. И больно падать и вновь вставать.

4

Когда дорожки наши скрестились, я, сколь ни грустно, уже миновала девичью пору, но, тем не менее, была сравнительно молода. И, разумеется, не отличалась предусмотрительностью и дальновидностью. Общались мы тесно и долгие годы – при мне он из полного сил мужчины неукоснительно превращался в грустного старого человека. Мне остается лишь сожалеть, что я не сразу – совсем не сразу! – сумела понять, что надо мне делать.

Я записала совсем немного его советов, и уж тем более фразочек, брошенных мимоходом, даже существенных соображений. О чем теперь безмерно жалею.

А он, скорей всего, неспроста с такою трогательной настойчивостью внушал, что разумному литератору необходимо тут же фиксировать слово, наблюдение, мысль. И непростительная беспечность – довериться памяти. Избирательна, склонна то к ретуши, то к коррекции, то попросту дырява, как сито – нет, ненадежна и подведет!

– Записывайте. Все блекнет, все гаснет, все незаметно уходит в песок. В чем суть и смысл нашего дела? Уметь останавливать каждый миг и пригвоздить его, заарканить. Он только и норовит ускользнуть.

Как он был прав! Теперь мне приходится тратить так много своих силенок, чтобы придать хоть какую-то стройность и относительную последовательность редким и отрывочным записям, догадкам и кусочкам из писем, моим сохранившимся бумажонкам.

Я никогда не была – и с чего бы? – ни продолжением карандаша, ни приложением к вечному перышку, так и не стала профессионалом.

Больше того, с непомерным усилием усаживала себя за стол (ах, эти бабские настроения!). Что делать? Для добровольной схимы надо родиться таким упертым, стойким служителем этого культа. Мне остается лишь пожалеть, что я была из другого теста. Не та порода, не тот замес.

Я только отчасти, фрагментарно, воспользовалась его советами, хотя в ушах моих до сих пор звучит его упреждающий голос: Записывайте! То, что увидите, услышите, и о чем подумаете. Причем – не откладывая ни на минуту.

Сам он всегда был готов к аскезе, хотя в ту пору был вовсе не стар. Во всяком случае, в ледовитом, прямом значении этого слова. Прожить полстолетия – это не шутка. Но ныне я хорошо понимаю, что это звездный мужской сезон. Хорошего роста, лишь с легкой проседью, брюнет (он посмеивался: брунет). Плотный, но не дородный, осанистый. Перемещался в пространстве неспешно, вразвалочку – эта манера присуща либо бывалым морячкам, либо людям, имевшим касательство к спорту, был усмешлив (эта его усмешечка меня поначалу всегда настораживала), делал меж фразами краткие паузы – возможно, чтоб дать своему собеседнику время воспринять его мысль. При всей его ровности и приветливости было ясно, что цену себе он знает.

Подобную трезвую самооценку обычно приравнивают к высокомерию. Что безусловно несправедливо. В конце концов, почему бы ему не понимать и не видеть того, что понимают и видят другие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.